

А. А. Чувьюров

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В ПРЕДАНИЯХ О ПЕРВОПОСЕЛЕНЦАХ ВЕРХНЕПЕЧОРСКИХ КОМИ

Таким образом, мы видим, что история и память — две совершенно разные вещи [...] Если историография ориентирована на факты и на истину [...] то память всегда связана с конкретной идентичностью: человек вспоминает то, что важно ему самому, что помогает ему справиться с сегодняшней жизнью.

Харальд Вельцер

Резюме

В статье рассматриваются исторические предания верхнепечорских коми о первопоселенцах. По комбинациям различных мотивов можно выделить следующие циклы: о заселении и освоении края; об аборигенах (о чуди, остяках); о старообрядцах. Реальные исторические факты в более поздних преданиях обрастают различными фольклорными деталями, происходит их «мифологизация»: в качестве первопоселенцев иногда называются беглые каторжане или же некоторые персонажи коми фольклора (*Гань Иван*). Особая группа преданий — это предания об аборигенах. Наряду с чудью в преданиях верхнепечорских коми в качестве аборигенного населения края называются манси (*остяки, йбгра*). Образ чуди (которая сама себя погребает и т. д.) в современных преданиях верхнепечорских коми приобретает конфессиональный оттенок: этноним *чудь* в некоторых фольклорных текстах выступает в качестве обо-

значения старообрядцев бегунского согласия (*скрытники*). В сельском социуме эти фольклорные тексты выполняют социопрагматические функции: посредством выстраивания своей «собственной истории» (порой заполняя недостающие звенья исторического прошлого выдуманными эпизодами) происходит конструирование собственной идентичности той или иной локальной группы.

Ключевые слова: верхнепечорские коми, исторические предания, фольклор, сюжет, цикл, абориген, старообрядцы, чудь, манси (остяк), идентичность

Aleksandr A. Chuvjurov

HISTORICAL MEMORY IN LEGENDS ABOUT UPPER PECHORA KOMI PIONEERS

Abstract

The study shows that historical legends about the upper Pechora Komi pioneers consist of certain combinations of motifs pertaining to one of the following cycles: the settlement and development of the region, indigenous people (the Chudes, the Ostyaks), and schismatics. In later legends, real historical facts are embellished with various folklore details and become mythologized. For example, in some legends escaped convicts or some characters of Komi folklore (*Gan Ivan*) are presented as pioneers. The folk tales about the indigenous people form a specific group of legends. Along with the Chudes, they name the Mansi (*ostyaki, yögra*) as the native population. The image of the *Chud'* ("who tombs herself", etc.) in modern legends of the upper Pechora Komi is associated with religious identity. In some folk stories, the ethnonym *Chude* designates the Old Believer group of the Beguny (or *skrytniki*). In rural communities, these folk legends perform socio-pragmatic functions. These narratives shape the identity of a particular local group by building its "own history" (sometimes filling the missing links of the historical past with fictional episodes.)

Keywords: upper Pechora Komi, historical legends, folklore, plot, cycle, indigenous people, schismatic, Chudes, Mansi, Ostyak, identity

DOI 10.31860/2712-7591-2020-2-80-95

Неонила Артёмовна Криничная внесла значительный вклад в теоретическую разработку систематизации русской народной исторической прозы. Данной проблематике была посвящена ее монография «Русская народная историческая проза» [Криничная], в которой на основе обработки значительного массива фольклорных текстов (архивных материалов и собственных полевых изысканий) она провела структурно-типологическую систематизацию исторических преданий, выделяя в них по комбинациям различных мотивов следующие циклы: о заселении и освоении края; об аборигенах (о чуди); о «панах»; о великанах, богатырях, силачах; о «раскольниках».

В настоящей статье проводится анализ исторических преданий о первопоселенцах коми населения бассейна верхней и средней Печоры (в современном административном отношении Печорский, Вуктыльский и Троицко-Печорский районы Республики Коми), выявляются основные сюжетообразующие мотивы этих преданий.

Заселение коми-зырянами бассейна верхней и средней Печоры происходило в XVII—XIX вв. До появления коми основными насельниками этих мест являлись обские угры — ханты и манси. Первое коми поселение на Верхней Печоре — починок Кузьминский — появилось в 1674 г. Основной пласт коми населения верхней и средней Печоры, как свидетельствуют документальные письменные источники XVII—XIX вв. (переписные книги, ревизские сказки и др. [Жеребцов И., 1996, с. 121–122; Жеребцов И., 1998, с. 52, 56–62]), сформировался из переселенцев с верхней Вычегды и Сысолы, что находит также подтверждение в результатах исследований наиболее распространенных на верхней Печоре коми фамилий [Жеребцов Л., с. 18, 43, 56; Лашук, с. 114–116] и в материалах лингвистических исследований (наличие в печорском диалекте ряда особенностей, присущих верхневычегодскому и сысольскому диалектам [Сахарова, Сельков, Колегова, с. 4–6, 21]). Средняя Печора, начиная с устья Кожвы, заселялась потомками коми-ижемцев [Лашук, с. 118].

Одним из существенных факторов колонизации Печорского края являлось старообрядчество. В числе основателей многих печорских деревень были старообрядцы (русские и коми-зыряне) — переселенцы из других старообрядческих регионов. По мере заселения края и наступления на старообрядчество «никонианского мира» (строительство православных церквей, открытие новых приходов) многие старообрядцы, желавшие сохранить устои своей веры и не попасть в «сети антихриста», снимались с насиженных мест и уходили на новые места, в глубь тайги. К концу XIX в. старообрядчество распространилось в большинстве коми поселений на верхней и средней Печоре, от устья реки Пожег (*Пожӧгъю*) до устья Кожвы.

Как отмечает Н. А. Криничная, наиболее архаичный уровень преданий о заселении и освоении края на Русском Севере составляют тексты, в которых сюжетообразующими являются следующие мотивы: основание селения одним первопоселенцем; основание двух однодворных починок соседями-первопоселенцами; основание селений тремя, в редких случаях двумя, четырьмя братьями [Криничная, с. 30].

Из дореволюционных исследований в рамках проблематики нашей статьи в первую очередь следует выделить работы В. Н. Латкина и С. В. Мартынова, в которых содержится значительный фактологический материал по

истории основания отдельных населенных пунктов, с указанием фамилии, имени и отчества первопоселенцев и причин их переселения в этот регион [Латкин; Мартынов]. Сопоставление сведений, приводимых в работах В. Н. Латкина (1843 г.) и С. В. Мартынова (1904 г.), позволяет выявить фольклорную трансформацию исторических преданий о первопоселенцах, определить глубину их исторической памяти.

В материалах подворно-экономического исследования Печорского уезда С. В. Мартынова, проведенного спустя 60 лет после экспедиции В. Н. Латкина, приводится ряд дополнительных сведений о времени основания тех или иных населенных пунктов. Но в ряде случаев такая информация отсутствует («время основания неизвестно»), хотя экспедицией 1843 г. подобные сведения, касающиеся этих поселений, были зафиксированы.

Как отмечают исследователи, у коми, как и у других северных народов, память об исторических событиях и людях, как правило, сохраняется на протяжении пяти-шести поколений [Конаков, Котов, с. 32–33]. Предания о первопоселенцах, достоверность которых подтверждается архивными материалами и которые содержат необходимый минимум конкретных деталей (имена, места прежнего проживания и т. д.), уходят вглубь не более чем на два столетия. В населенных пунктах, основанных ранее, они либо отсутствуют, либо утрачивают конкретность и уверенность рассказчика в достоверности событий. В отдельных случаях историческая память включает события протяженностью лишь около ста лет [Конаков, Котов, с. 34].

Но всегда ли, когда мы сопоставляем сведения различных источников, мы можем с уверенностью говорить о глубине исторической памяти? Возможно, отсутствие исторической памяти об основании тех или иных населенных пунктов связано с тем, что исследователю, в силу языкового барьера или каких-то иных причин, не удавалось выстроить нужную коммуникативную связь со своими информантами.

В качестве такого примера можно остановиться на исторических преданиях об основании села Соколово (Печорский р-н Республики Коми).

В. Н. Латкиным в 1843 г. было записано следующее предание об основании села: «Назад тому лет 70, промотавшийся писарь села Устьцильмы, Соколов, первый поселился здесь, и вот явилось уже целое поселение из его потомства, которое занимается рыбным промыслом, и в иной год продает семги до 400 пуд; только один из Соколовых имеет в тундре до 300 оленей» [Латкин, с. 83].

Приводимое Латкиным предание об основании села Соколова переселенцами с Усть-Цильмы находит подтверждение в ревизских сказках черносотенных крестьян Мезенского уезда. Так, в 10-й ревизии (1858 г.) в чис-

ле приписанных к Устьцилемскому сельскому обществу названы семейства Исаака, Филиппа Пастуховых и их родственников. Над фамилией Пастуховых сверху написано: «выселок Соколовский»¹.

Более сложным представляется выяснение истоков фамилии Соколовых. Ни в 4-й, ни в 5-й (1795 г.) ревизиях фамилия Соколовых в числе жителей Устьцилемской слободки не значится, не отмечено их пребывание и в более ранних переписях. Фамилия Соколовых появляется только в 6-й ревизии (1811 г.). Так, в списке жителей д. Нерицкой отмечен поселенец Федор Тимофеевич Соколов, тридцати лет². В дальнейшем Ф. Т. Соколов продолжал числиться среди жителей данного поселения. В 10-й ревизии (1858 г.) отмечен год его смерти — 1852. Его жена, Татьяна Матвеевна (в 1858 г. ей было 73 года) продолжала числиться среди жителей Нерицкой³. Дети у них в ревизских сказках не отмечены. По всей видимости, отец Федора Тимофеевича, Тимофей Соколов, и был тем самым легендарным «промотавшимся писарем из Устьцыльмы», о котором в своих экспедиционных записях упоминает В. Н. Латкин.

Во второй половине XIX в., как показывают материалы I Всеобщей переписи, в состав жителей Соколова влились значительные группы переселенцев из коми-ижемских деревень — из Усть-Кожвы, Усть-Усы и Мохчи⁴. В результате всех этих миграционных процессов повседневным языком общения у соколовских Пастуховых в конце XIX в. уже являлся коми-зырянский язык (ижемский диалект): в графе «родной язык» в переписных листах I Всеобщей переписи 1896 г. у большинства Пастуховых указан «ижемский, зырянский». В анкетах лишь некоторых жителей указаны два языка — русский и зырянский, при этом русский зачеркнут (возможно, при окончательной обработке анкет переписи).

В 1904 г. с. Соколово в рамках проводимых подворно-экономических исследований поселений Печорского уезда Архангельской губернии посетил С. В. Мартынов. Опрос жителей о времени образования деревни и о первых поселенцах не дал результата: «Дер. Соколово. Время основания неизвестно» [Мартынов, с. 181].

¹ ГААО, ф. 51, оп. 11, т. 23, д. 493. Ревизская сказка о государственных крестьянах Архангельской губернии Мезенского уезда Устьцилемского отдельного сельского общества 10 переписи 1858 г., л. 72 об.–75.

² ГААО, ф. 51, оп. 11, т. 2, д. 3257. Ревизская сказка о государственных крестьянах д. Нерицкой Красноборского сельского общества за 1811 г., л. 387.

³ ГААО, ф. 51, оп. 11, т. 23, д. 430. Ревизская сказка о государственных крестьянах Красноборского сельского общества за 1858 г., л. 151.

⁴ ГААО, ф. 6, оп. 18, д. 194. Ведомости для подсчета населения и переписные листы по 3 счету, 5 переписного участков Печорского уезда, л. 1–62.

Но спустя 60 лет, в середине 1960-х гг., выяснилось, что история о двух русских староверах, основавших поселение, продолжает бытовать среди жителей Соколова. Краеведом Т. И. Семяшкиным было записано следующее предание об истории основания поселения: «Около 1770 г. из Сибири, спасаясь от царских властей, бежали два старообрядца, один по фамилии Соколов, другой — Пастухов. Здесь, на Печоре, их нагнала погоня царских властей. На просьбу вернуться они ответили отказом. Достаточно помучавшись с ними, представители властей решили повернуть обратно. Чтобы их оставили в покое, бежавшие дали властям слиток золота, который везли с собой, а сами облюбовали себе место на правом берегу реки Печоры в местечке *Сьӧд-шар*. Соколов вскоре умер, а Пастухов женился на коми женщине. По фамилии первого было названо селение, а от второго пошел род Пастуховых. Позднее первопоселенцы, сменив несколько мест, перебазировались на место нынешнего расположения села Соколово» [Пастухов, с. 15–16].

Записанное Т. И. Семяшкиным предание интересно с точки зрения соотношения реальных исторических фактов и вымысла: приводимая в этом фольклорном тексте дата основания поселения (около 1770 г.) и фамилии первопоселенцев (Соколов и Пастухов) согласуются с данными архивных источников. Находит подтверждение и указание, что место расположения поселения несколько раз менялось. Так, в статье штабс-капитана Боровского «Печорский край в географическом, статистическом и лесном отношениях» (1855 г.) сообщается: «Русло р. Печоры, и преимущественно по низовьям оной, усеяно множеством островов, образовавшихся разновременно от изменения направлений течения, так что фарватер самой реки во время быстрого напора большой массы весенней воды не везде постоянен, и река нередко пролагает себе новые пути; деревня Соколова по этому случаю в непродолжительное время перенесена уже на третье место» [Боровский, с. 4].

Вымысел в предании касается места, откуда прибыли основатели поселения: в качестве места прежнего проживания Соколова и Пастухова указана не Усть-Цильма, а Сибирь. Возникает вопрос: чем же вызвана эта топонимическая замена? Как нам представляется, причина конструирования нового исторического нарратива связана с конфессиональной принадлежностью переселенцев. В 4-й ревизии (1782 г.) в числе 13 человек «записных раскольников» по Устьцилемской слободке отмечены Сава Семенович Пастухов и его сын Дмитрий⁵. Отношение к «записным раскольникам», как менее стойким, среди истых староверов было неодобрительным. Значительная

⁵ ГААО, ф. 51, оп. 11, т. 2, д. 2669. Ревизская сказка по Устьцилемской слободке 1782 г., л. 992 об.

часть старообрядцев осуждала подобную форму легализации своего вероисповедания (запись в раскол вводила ряд ограничений для старообрядцев: запрет держать у себя дониконовские и старообрядческие книги, принимать в дом беглых «раскольников», проводить богослужения). Возможно, что и Пастуховы, решившие войти в число «записных раскольников», столкнулись с недоброжелательным отношением к себе со стороны устьцилемских староверов, и на этой почве у них могли возникать бытовые конфликты, что и стало причиной переселения Пастуховых на среднюю Печору. Таким образом, посредством этого нового исторического нарратива из коллективной памяти вытеснялся эпизод о «травматическом прошлом» своего рода.

Кроме того, обособление своей истории от прежней территории проживания имеет этнопсихологическую мотивировку. Как отмечают исследователи, отчленение своей родословной от генеалогического древа на прежней территории являлось стереотипом обживания на новом месте жительства. Этим переселенцы как бы фиксировали на этнопсихологическом уровне тот факт, что они осознают необходимость рассчитывать в дальнейшем лишь на свои способности к жизнеобеспечению [Конаков, Котов, с. 35].

Записанное Семяшкиным в 1960-х гг. историческое предание об основании поселения выступает также в качестве нарратива идентичности: в фольклорном тексте подчеркивается обособленность от окружающих групп коми — верхнепечорских коми⁶ и коми-ижемцев. Следует отметить, что и при интервьюировании жителей Соколова они выделяют себя как особую группу. Так, одна из информантов на вопрос, к кому себя относят жители Соколова — к верхнепечорским коми или коми-ижемцам, — ответила следующим образом: *Сёрни сертиыс ми эськё изьваса моз сернитам, но ми абу изьваса. Кыдз тай висьталёны: ёторсьысь петёмась мёдарас абу воёмась, шёрас вошёмась. Сидз тай, наверно, асьным и лоам. Кыдъя коми, кыдъя роч* («По говору мы, конечно, как ижемцы, но мы в действительности ижемцами не являемся. Это как говорят: от одних вышли, до других не дошли, в середине потерялись. Так, наверное, сами по себе и будем, как говорят: чуть-чуть коми, чуть-чуть русский, ни то ни се»⁷).

Сокращенные варианты предания об основании села двумя беглыми староверами из Сибири продолжали бытовать среди жителей Соколова вплоть до середины 1990-х гг. Таким образом, память о первопоселенцах, пусть даже в слегка трансформированном виде, среди жителей Соколова

⁶ Верхнепечорские коми — это не географический термин территориальной группы коми-зырян, а название одной из этнографических групп, *печера катыдса* (верхнепечорские коми).

⁷ Информант М. В. Хозяинова, 1930 г. р., с. Соколово, Печорский р-н, Республика Коми. Полевые материалы автора (далее — ПМА). Запись 1993 г.

сохранялась на протяжении более двухсот лет. Устойчивости предания, безусловно, способствовало то, что основателями поселения оказались два русских старообрядца, в то время как население ближайших поселений состояло из коми-зырян. Именно этот факт — проживание на первоначальном этапе в иноэтничной среде (до начала тесных контактов с жителями коми-ижемских деревень) — способствовал консервации исторической памяти.

Как мы уже отмечали, в большинстве случаев исторически достоверные предания о переселенцах, содержащие сведения об их именах и местах их прежнего проживания, уходят вглубь не более чем на два столетия. Многие из записанных в начале XX в. С. В. Мартыновым преданий находят документальное подтверждение.

Так, об основании деревни Аранец (Оранец) Мартынов приводит следующее предание: «селение основано около 200 лет назад переселенцами Мылвы Демидом Кондратьевичем Пыстиным и Василием Сыскою. Несколько раз проезжая мимо по торговым делам, они присмотрели удобное место» [Мартынов, с. 61]. Приводимые Мартыновым сведения находят подтверждение в материалах ревизских сказок. Так, в ревизских сказках Мезенского уезда за 1782 г. упоминается деревня Аранец, в которой на тот момент проживали две семьи, переселившиеся сюда в 1776 г. из деревни Савиноборской «за малоимением у них деревенского владения»: семья Демида Кондратьевича Пыстина (на момент ревизии ему был 41 год) и семья Селеверста Никифоровича Мезенцева (на момент переписи ему было 50 лет)⁸. Упоминаемый Мартыновым в числе основателей деревни Аранец Василий Сыско в ревизских сказках не отмечен. Возможно, его переселение в Аранец произошло несколько позднее переписи 1782 г. или же, как часто это происходило при оформлении списков ревизий, он продолжал числиться по месту прежнего жительства.

Проводимый нами в середине 1990-х гг. опрос в верхнепечорских деревнях показал, что память об историческом прошлом поселений во многом размыта. Как правило, в местных преданиях называются переселенцы без точных координат их прежнего местожительства. Наиболее часто в них просто указывается, что пришли «откуда-то с верховьев»: *Кыськõ тай выльсь, Печора катыдысь локтõмась* («Откуда-то с верховьев Печоры пришли первые поселенцы»). Иногда приводимые информантами сведения достаточно близко соотносятся с материалами документальных письменных источников. Так, в 1996 г. в пос. Подчерье нами было записано предание

⁸ ГААО, ф. 51, оп. 11, т. 2, д. 2669. Ревизские сказки Мезени и Мезенского уезда, 1782 г., л. 1078.

о первопоселенцах ныне не существующей деревни Солдат (Боярский яг), согласно которому поселение основал отставной солдат Петр (*Петыр Салдат*) и от его потомства (у него было семь сыновей: *Иван Салдат*, *Митропан Салдат*, *Лука Салдат* и др.) ведут свою родословную жители деревни Солдат⁹. В 10-й ревизии (1858 г.) в числе жителей деревни Солдат отмечены семь человек: отставной кантонист Лука Петров (Петрович) Мезенцев (имя и отчество совпадают с указанным в предании сыном первопоселенца) и члены его семьи — сыновья Сергей и Василий, жена Марфа, дочери Любава, Пелагея и Анна¹⁰. В том же 1996 г. в деревне Возино нами было записано предание, согласно которому первыми на месте поселения обосновались пять братьев Бажуковых (*Варлам чукӧр*), от них и ведут свое начало возинские Бажуковы. Позднее к ним из Дутова переехали Мезенцевы¹¹. Среди приписанных по 10-й ревизии (1858 г.) к деревне Возино (в дореволюционных источниках — Пырединская) отмечены две фамилии: Бажуков и Мартюшев¹².

Но в большинстве записанных нами в 1990-х гг. исторических преданий какие-либо конкретные детали о первопоселенцах отсутствуют, сюжетные линии этих фольклорных текстов зачастую носят «мифологический» характер.

Так, в одном из местных преданий д. Щугор, которая была основана около 1760-х гг. Петром Шахтаровым из д. Скаляп [Мартюшев, с. 47], рассказывается, что поселение «было основано неким беглым каторжанином, к которому позднее присоединились переселенцы из других мест»¹³. Включение в число одного из основателей поселения беглого каторжанина, по всей видимости, мотивировано желанием подчеркнуть свою обособленность от других групп. Иногда в качестве основателей называются известные персонажи местного фольклора. Так, в одном из записанных нами местных преданий сообщалось, что с. Подчерье основал храбрый разбойник, известный колдун *Гань Иван*¹⁴.

⁹ Информант М. И. Пыстина, 1926 г. р., пос. Подчерье, Вуктыльский р-н, Республика Коми. ПМА. Запись 1996 г.

¹⁰ НАРК, ф. 343, оп. 1, д. 25. Ревизская сказка 1858 г. Вологодской губернии Устьсысольского уезда д. Боярский яг, л. 1036–1037.

¹¹ Информанты Е. А. Бажукова, 1924 г. р., д. Возино, Вуктыльский р-н, Республика Коми; О. А. Пономарева, 1926 г. р., д. Возино, Вуктыльский р-н, Республика Коми. ПМА. Запись 1996 г.

¹² НАРК, ф. 343, оп. 1, д. 25. Ревизская сказка 1858 г. Вологодской губернии Устьсысольского уезда Троицко-Печорского сельского общества д. Пырединской, л. 1014 об.–1025.

¹³ Информант М. П. Головина, 1904 г. р., д. Усть-Щугор, Вуктыльский р-н, Республика Коми. ПМА. Запись 1995 г.

¹⁴ Информант М. И. Пыстина, 1926 г. р., с. Подчерье, Республика Коми. Запись ПМА. 1996 г.

Особую группу составляют топонимические предания. Н. А. Криничная выделяет несколько версий топонимического мотива в исторических преданиях. В одной из разновидностей этих фольклорных текстов происхождение географического названия выводится от имени, прозвища, а впоследствии и фамилии первопоселенца или владельца местности [Криничная, с. 70–71].

Многие предания о первопоселенцах верхнепечорских коми построены по типу топонимических преданий: д. Возино — «основателем поселения был некий вычегодец по прозвищу *Возьё*. Он первый поселился на этом месте со своей семьей, оттого и прозвали деревню Возино»¹⁵; д. Королек — «название поселения связано с именем его основателя *Õльö* (Алексей), который за свою расторопность получил прозвище *Kör* („олень“), — *Kör Õльö* (Алексей-Олень)»¹⁶; д. Даниловка — «первым поселенцем на месте нынешней Даниловки был некто Данила, занимавшийся кузнечным делом, и первоначально это поселение называли *Вьль Позориха* („Новая Позориха“)» [Шарапов, Чувьуров, с. 7].

В некоторых случаях в основе топонимического предания лежит народная этимология названия поселения. Так, о происхождении названия деревни Медвежская, которая до 1895 г. носила имя основателя поселения Ильи Мартюшева — *Илья*, в одной из быличек рассказывается следующее: «Когда-то в деревню забрел медведь и растерзал в загоне пасущуюся лошадь. Когда медведь стал перебрасывать труп лошади через ограду, у него разорвалось сердце и он умер, поэтому деревню так и называли — Медвежская». По другой версии, «в этом месте всегда было много медведей» [Шарапов, Чувьуров, с. 11]. В то же время многие старожилы еще в 1990-х гг. в обиходе продолжали употреблять старое название деревни — *Илья*.

Еще одну группу исторических преданий о первопоселенцах составляют предания об аборигенах. На Русском Севере наиболее распространенной версией об аборигенах края являются предания о чуди.

Предания о чуди — отдельная научная проблема. По мнению ряда исследователей, этот этноним означает западно-финские племена (вепсов) [Пименов, с. 117–120, 141; Пименов, Строгальщикова, с. 7]. Но мы не будем останавливаться на проблеме происхождения и этнической природы чуди, так как она выходит за рамки нашего исследования.

Бытование среди печорских коми преданий о чуди отмечалось еще революционными исследователями. Так, известный фольклорист Н. А. Ива-

¹⁵ Информант В. И. Мезенцев, 1895 г. р., пос. Дутово, Вуктыльский р-н, Республика Коми. ПМА. Запись 1996 г.

¹⁶ Информант Е. Н. Игнатова, 1937 г. р., д. Даниловка, Печорский р-н, Республика Коми. ПМА. Запись 1995 г.

ницкий, посетивший в 1882 г. д. Аранец, отметил, что, по свидетельству местных жителей, «в прежние годы здесь находили чудские деньги и горшки, а по речке Аранцу и теперь видны ямы — остатки чудских землянок»¹⁷. Предания о чуди продолжали бытовать среди верхнепечорских коми еще в 1990-х гг. В записанных нами рассказах о первопоселенцах информантами ряда деревень (Аранец, Подчерье, Медвежская, Покча) указывалось, что до появления коми на Печоре в этом районе обитала чуждь. В качестве еще одного сюжетобразующего мотива в этих преданиях выступает мотив оставления аборигенами следов своего пребывания («чудских ям») в той или иной местности. Так, по словам информантов, на месте, где ныне расположено с. Подчерье, раньше жили чудины. При этом подчеркивается, что еще в недавнем прошлом вокруг деревни было много чудских ям¹⁸.

Следует отметить, что сам образ чуди (которая сама себя погребает и т. д.) в современных преданиях верхнепечорских коми приобретает конфессиональный оттенок: этноним «чуждь» в некоторых фольклорных текстах выступает в качестве обозначения старообрядцев бегунского согласия (*скрытников*). Так, согласно одному местному преданию, записанному нами в д. Медвежской, раньше на этом месте жил некий чуждин, «у которого была такая вера — чтобы жить подальше от людей, скрытно от всех. А после переселения на это место основателя Медвежской Ильи Мартюшева чуждин перешел на новое место, в километрах двух ниже современного расположения поселения»¹⁹. Близкое по сюжету предание известно и в д. Аранец: согласно одному преданию, записанному нами в 1995 г., «некогда на месте деревни Аранец жили чудины». Новым поселенцам чудины оставили предсказание о грядущей судьбе деревни: «поселение опустеет, и на его месте будет „сьёд-мыльк“ (черный холм)». Современное состояние деревни (в ней в основном проживают лица пенсионного возраста) некоторыми жителями воспринимается как осуществление этого предсказания: «Вот и стала деревня „Сьёд-мыльк“; все пьют, молодые уезжают, деревня уже почти опустела...» [Шарапов, Чувьюров, с. 8].

¹⁷ Иваницкий Н. А. Из Вологды на Печору. Путевые заметки // НА РГО, разряд 7, оп. 1, д. 50, л. 143.

¹⁸ Информант Е. К. Попова, 1927 г. р., с. Подчерье, Вуктыльский р-н, Республика Коми. ПМА. Запись 1996 г.

¹⁹ Информант Е. Е. Попова, 1919 г. р., д. Медвежская, Печорский р-н, Республика Коми. ПМА. Запись 1994 г.

Следует отметить, что в верхнепечорском селе Покча некоторые информанты потомками легендарной чуди называли носителей фамилии Растворов (одна из самых распространенных в Покче)²⁰.

Еще одну группу преданий об аборигенах составляют рассказы о манси (*остяки, йӧгра, йӧгра-яран* — по терминологии проживающих на Печоре коми-зырян).

О контактах печорских коми и манси имеются различные источники. Так, в 1843 г. В. Н. Латкин во время своей экспедиции встретил на месте нынешнего расположения г. Печоры семью манси, которые лет 10 назад (т. е. около 1830 г.) переселились из-за Урала в эти места (хозяин занимался охотой и рыболовством, а жена и дочь нанимались на работы в соседние деревни [Латкин, с. 79–80]). Как отмечает Б. В. Бессонов, совершивший в 1908 г. совместно с вологодским губернатором А. Н. Хвостовым поездку по Печорскому краю, «ежегодно в начале лета в Троицко-Печорское приезжают из-за Урала, через Ильч, „остяки“, для закупки жертвенных лошадей» [Безсонов, с. 85–86].

Л. П. Лашук отмечал, что в записанных в 1950-х гг. местных преданиях среди основателей ряда печорских сел (Покча, Лебяжское и Подчерье) были *йӧгра*. В с. Покча и пос. Троицко-Печорск и сейчас существует фамилия Остяковы, которые в числе своих далеких предков называют *остяков* [Лашук, с. 117–118].

В современных преданиях также в качестве первопоселенцев некоторых поселений упоминаются *остяки* (манси). Так, основателем с. Савинобор (Вуктыльский р-н), по рассказам информантов, явился некий «*остяк Сава*», отсюда и название селения — Савинобор (*Саваяг*)²¹. Согласно другой версии, Савинобор основал человек по имени Сава (Савватий). При этом этническая принадлежность не уточняется. Он приплыл на это место откуда-то с верховьев. Сава, согласно рассказам, построил плот и решил, что там, где пристанет плот, он и будет строиться. Первоначально плот оставался на месте нынешнего расположения пос. Шердино, но берег там низкий, и весной, во время половодья, это место оказывалось под водой, поэтому Сава решил переселиться на новое место. Вновь сел на плот и поплыл

²⁰ Информант С. П. Остяков, 1900 г. р., с. Покча, Троицко-Печорский р-н, Республика Коми. ПМА. Запись 1997 г.

²¹ Информант В. И. Мезенцев, 1895 г. р., пос. Дутово, Вуктыльский р-н, Республика Коми. ПМА. Запись 1996 г.

вниз по течению. В этот раз плот пристал к берегу, где сейчас расположен Савинобор. Там он и начал строиться²².

Следует подчеркнуть, что этноним *остяки* наиболее употребителен на верхней Печоре (Троицко-Печорский и Вуктыльский районы). На средней Печоре (Печорский и Вуктыльский районы) наряду с остяками бытует этно-термин *йӧгра*. В ряде населенных пунктов (д. Аранец, Щугор) встречается прозвище *йӧгра-яран*. Традиционно прозвище *яран* среди коми употребляется по отношению к ненцам.

Бытующие среди местного населения предания о первопоселенцах свидетельствуют, что помимо коми в формировании населения на Верхней Печоре приняли участие также русские переселенцы. *Чердаками*, т. е. русскими выходцами из Чердыни, Ныроба, Чердынской Покчи, а также Вятки, согласно записанным в 1950-х гг. местным преданиям, были основаны деревни Покча, Дутово, Вятский Норыс [Лашук, с. 116].

Местное коми старожильческое население также особо выделяет деревни, основанные в годы коллективизации вычегодскими и сысольскими переселенцами (коммунарами)²³.

В настоящее время важную роль в трансляции исторического прошлого наряду с музеями играют социальные сети («ВКонтакте», «Одноклассники»). Свои группы в социальных сетях имеют практически все ныне существующие населенные пункты, а также поселения в настоящее время нежилые. Помимо коммуникативной эти группы выполняют важные социальные функции: на их страницах помещается как актуальная информация (объявления о купле-продаже различных предметов, о предстоящих праздниках), так и сведения исторического характера: о времени образования поселения, об отдельных персоналиях, о различных исторических событиях. Сведения исторического характера, помещаемые в этих группах в социальных сетях, самые разнообразные: различные научные публикации, архивные материалы, фотографии и семейные предания жителей этих поселений.

* * *

Приведенный материал показывает, что бытующие среди верхнепечорских коми предания о первопоселенцах имеют близкие сюжетообразующие мотивы, аналогичные текстам, зафиксированным исследователями среди русского населения на Европейском Севере. Достоверные, документаль-

²² Информант А. Д. Мезенцева, 1935 г. р., д. Савинобор, Вуктыльский р-н, Республика Коми. ПМА. Запись 2016 г.

²³ Информант Е.Н. Шахтаров, 1936 г. р., д. Аранец, Печорский р-н, Республика Коми. ПМА. Запись 2002 г.

но подтвержденные сведения в этих преданиях, как правило, уходят вглубь не более чем на два столетия, хотя в отдельных случаях они продолжают бытовать и дольше. С течением времени многие из этих исторических преданий о первопоселенцах претерпевают значительную трансформацию. Рассказы о первопоселенцах обрастают различными фольклорными деталями: в качестве первопоселенцев порой называются персонажи коми фольклора (*Гань Иван*), беглые каторжане или же чудь (чудины). Этноним *чудь* в этих рассказах выступает в качестве обозначения старообрядцев бегунского соглашения (*скрытников*). При этом один из сюжетообразующих мотивов преданий о чуди — их исчезновение с данной территории — в этих фольклорных текстах связывается с некоторыми особенностями вероучения бегунов — отказ от контактов с представителями других конфессий («у них такая была вера, чтобы жить скрытно, вдали от людей»). Сохранение и бытование преданий о первопоселенцах связано с идентичностью той или иной локальной группы. В сельском социуме эти фольклорные тексты выполняют социопрагматические функции: посредством выстраивания своей «собственной истории» (порой заполняя недостающие звенья исторического прошлого вымышленными эпизодами) происходит конструирование собственной идентичности — идентичности жителей отдельного поселения или же этнолокальной группы.

Литература

- Безсонов — *Безсонов Б. В.* Поездка по Вологодской губернии в Печорский край к будущим водным путям на Сибирь. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1909. 232 с.
- Боровский — *Боровский*. Печорский край в географическом, статистическом и лесном отношениях // Прибавление II к газете «Лесоводства и охоты». Прилож. к № 9, 26 февр. 1855 г. С. 1–8.
- Жеребцов И., 1996 — *Жеребцов И. Л.* Население Коми края во второй половине XVI — начале XVIII в. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 1996. 258 с.
- Жеребцов И., 1998 — *Жеребцов И. Л.* Коми край в XVIII — середине XIX века: территория и население. Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 1998. 174 с.
- Жеребцов Л. — *Жеребцов Л. Н.* Расселение коми в XV–XIX вв. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1972. 62 с.
- Конаков, Котов — *Конаков Н. Д., Котов О. В.* Этноареальные группы коми: формирование и современное этнокультурное состояние. М.: Наука, 1991. 228 с.
- Криничная — *Криничная Н. А.* Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры. Л.: Наука, 1987. 226 с.
- Латкин — *Латкин В. Н.* Дневник Василия Николаевича Латкина, во время путешествия на Печору, в 1840 и 1843 годах: В 2 ч. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1853. 143 с.
- Лашук — *Лашук Л. П.* Очерк этнической истории Печорского края: (Опыт ист.-этногр. исследования) / Акад. наук СССР. Коми филиал. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1958. 200 с., 1 л. карт.: ил.

- Мартынов — *Мартынов С. В.* Печорский край: Подворно-экономическое исследование селений Печорского уезда. СПб.: Тип. И. Усманова, 1905. Ч. 2. 219 с.
- Мартюшев — *Мартюшев А. М.* К истории заселения Печорского края // Записки общества изучения Коми края. Сыктывкар: Изд-во Об-ва изучения Коми края, 1929. Вып. 3. С. 44–66.
- Пастухов — *Пастухов С. А.* Соколово — земля Припечорская: очерки по истории села. Печора: МУ «Печорская МЦБС», 2010. 90 с.
- Пименов — *Пименов В. В.* Вепсы: Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л.: Наука, 1965. 264 с.
- Пименов, Строгальщикова — *Пименов В. В., Строгальщикова З. И.* Вепсы: расселение, история, проблемы этнического развития // Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск: Изд-во Карельского филиала АН СССР, 1989. С. 4–26.
- Сахарова, Сельков, Колегова — *Сахарова М. А., Сельков Н. Н., Колегова Н. А.* Печорский диалект коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1976. 154 с.
- Шарапов, Чувьюров — *Шарапов В. Э., Чувьюров А. А.* Научный отчет этнографической экспедиции Печорского краеведческого музея: Материалы по истории заселения бассейна реки средняя Печора и традиционной духовной культуре коми в данном регионе: [рукопись]. Сыктывкар, 1996. 59 с. (Научный архив Печорского краеведческого музея, ф. 20, оп. 6, д. 1).

References

- Bezsonov, B. V. (1909). *Poezdka po Vologodskoy gubernii v Pechorskii krai k budushchim vodnym putyam na Sibir*. Sankt-Peterburg: Tovarishchestvo R. Golika i A. Vilborg, 232 p.
- Borovsky (1855). 'Pechorski krai v geogravicheskom, statisticheskom i lesnom otnosheniakh', *Lesovodstvo i ohota*, No 9, 26 fevralia, Pribavlenie, 1–8.
- Konakov, N. D., Kotov, O. V. (1991). *Etnoarealnye gruppy komi: formirovanie i sovremennoe etnokulturnoe sostoyanie*. Moscow: Nauka, 228 p.
- Krinichnaya, N. A. (1987). *Russkaya narodnaya istoricheskaya proza. Voprosy genesis i struktury*. Leningrad: Nauka, 226 p.
- Lashuk, L. P. (1958). *Ocherk etnicheskoi istorii Pechorskogo kraja: (Opyt istoriko-etnograficheskogo issledovaniya)*. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo, 200 p.
- Latkin, V. N. (1853). *Dnevnik Vasilia Nikonaevicha Latkina vo vremya puteshestvia na Pechoru v 1840 i 1843 godakh*. Vols. 1–2. Sankt-Peterburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 143 p.
- Martynov, S. V. (1905). *Pechorskii krai. Podvorno-ekonomicheskoe issledovanie seleniy Pechorskogo uezda*. Sankt-Peterburg: Tipografiya I. Usmanova. Vol. 2, 219 p.
- Martyushev, A. M. (1929). 'K istorii zaseleniya Pechorskogo kraja', in: *Zapiski obshchestva izucheniya Komi kraja*. Syktyvkar: Izdatel'stvo obshchestva izucheniya Komi kraja. Vol. 3, 44–66.
- Pastukhov, S. A. (2010). *Sokolovo — zemlia Pripechorskaya: ocherki po istorii sela*. Pechora: МУ «Pechorskaya MZBC», 90 p.
- Pimenov, V. V. (1965). *Vepsy. Ocherk etnicheskoy istorii i genezisа kul'tury*. Moscow, Leningrad: Nauka, 264 p.

- Pimenov, V. V., Strogalschikova, Z. I. (1989). 'Vepsy: rasselenie, istoria, problemy etnicheskogo razvitiya': in: *Problemy istorii i kultury vepsskoy narodnosti*. Petrozavodsk: Izdatel'stvo Karel'skogo filiala Akademii nauk SSSR, 4–26.
- Sakharov, M. A., Selkov, N. N., Kolegova, N. A. (1976). *Pechorskiy dialekt komi yazyka*. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo, 154 p.
- Sharapov, V. E., Chuvyurov, A. A. (1996). *Nauchnyi otchet etnograficheskoy ekspeditsii Pechorskogo kraevedcheskogo muzeya. Materialy po istorii zaseleniya basseyna reki srednyaya Pechora i traditsionnoi duhovnoi culture komi v dannom regione*. Syktyvkar, Nauchnyi arhiv Pechorskogo kraevedcheskogo muzea, f. 20, op. 6, d. 1. 59 p. (manuscript).
- Zherebtsov, L. N. (1972). *Rasselenie komi v XV–XIX vekakh*. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo, 62 p.
- Zherebtsov, I. L. (1996). *Naselenie Komi kraia vo vtoroi polovine XVI — nachale XVIII veka*. Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk, 258 p.
- Zherebtsov, I. L. (1998). *Komi krai v XVIII — seredine XIX veka: territoria i naselenie*. Syktyvkar: Izdatel'stvo Komi nauchnogo tsentra Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk, 174 p.